

„Самокритика своих собственных ошибок“. Истоки покаянных заявлений и лозунг самокритики в среде партийных интеллектуалов.

Всем литературоведам и историкам, занимающимся культурной жизнью сталинского периода, известны биографии интеллектуалов, которым некогда пришлось публично выступать с „самокритикой“, „признать свои ошибки“ или „отречься“ от собственных взглядов. Феномен коллективного поведения советской интеллигенции представляет собой широкое поле для исследования, но настоящая статья ограничивается кратким изложением общих предпосылок и конкретных обстоятельств возникновения зрелища, которое часто называют „ритуалом самокритики“. Зародившись в партийной среде, феномен „самокритики“ широко распространился и в организациях пролетарской интеллигенции, что видоизменило его смысл и функции. Современные исследователи чаще всего не замечают разницы между понятием „самокритики“ и параллельно с ней существовавшим явлением „признания ошибок“ (покаянных заявлений), и это не удивительно, поскольку эти два явления в ходе идеологических споров между представителями различных группировок оказались слиты воедино. В статье мы попытаемся проследить эту сложную эволюцию. „Покаянные заявления“ впервые появились в обществе советских партийцев вследствие внутрипартийной фракционной борьбы 20-х годов. *(По поводу внутрипартийной борьбы см., например, Robert Vincent Daniels, *Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in Sowjetrußland*. Köln 1962.) В январе 1928 г. по решению 15 съезда ВКП(б) центральная контрольная комиссия (ЦКК) впервые потребовала от всех оппозиционеров заявления о „полном идейном и организационном разоружении“. Заявления.

в которых оппозиционеры „извинялись“ за „фракционную деятельность“ и выражали свою лояльность центральному комитету партии (ЦК), современники называли „капитуляцией“, „признанием ошибок“, „заявлением об отходе от оппозиции“, „разоружением“ или просто „заявлением“, но никогда „самокритикой“. Понятие „самокритики“ приобрело свое специфическое значение не раньше декабря 1927 г. на 15 съезде, когда Сталин заявил об „отсутствии самокритики“ в обществе. Слово „самокритика“ тогда еще ничего общего с покаянными заявлениями оппозиционеров не имело. Новый лозунг предлагал рабочему классу, партии, государственному аппарату коллективно критиковать „самих себя“. Слова „критика“ и „самокритика“ употребляли как синонимы, имея в виду „полезную, товарищескую“ критику. Целесообразность такой „самокритики“ Сталин объяснял следующим образом: „У нас нередко решаются вопросы не только на местах, но и в центре, так сказать, в семейном порядке, домашним образом. Иван Иванович, член руководящей верхушки такой-то организации, допустил, скажем, грубейшую ошибку и испортил дело. Но Иван Федорович его не хочет критиковать, выискивать его ошибки, исправлять его ошибки. Не хочет, так как не имеет желанья „нажить себе врагов“. Допустили ошибку, испортили дело, эка важность! А кто из нас не ошибается“? Сегодня я его, Ивана Федоровича, пошажу. Завтра он меня, Ивана Ивановича, пошадит. Ибо какая есть гарантия, что я также не ошибусь? Конечно и хорошо. Мир и благоволение. Говорят, что запущенная ошибка есть порча нашего великого дела? Ничего! Авось как-либо выедем за кривой. Вот, товарищи, обычное рассуждение некоторых наших ответственных работников.“ *(ВКП(б), Пятнадцатый Съезд ВКП(б), Декабрь 1927 года. Стенографический отчет, Москва 1961. Том 1, С.77-78) Так как выступления Сталина на съезде и на апрельском пленуме не встретили ожидаемой реакции „снизу“, в июне было распространено обращение ЦК партии „Ко всем членам партии, ко всем рабочим“. В нем демагогически подчеркивалась противопоставленность „рабочего класса“

„бюрократам в партийном и государственном аппарате“, а в деятельности последних находили „волокиту, гниль, чиновническое перерождение, распущенность, пьянство, злостное невнимание к нуждам массы, чванливое угодничество и подхалимство к „верхам“, невежество, косность, консерватизм, рутину.“ *(Большевик, 1928, м11, С.5)

Так как в ЦК понимали, почему на самом деле „критика снизу“ возникала редко, специально постановили: „Обеспечить свободу внутрипартийной критики, что исключает такого рода методы, когда самостоятельная мысль и всякое критическое замечание заранее отбрасываются как „уклон“, „бузотерство“ и т. д.“ *(Там же) Пропагандируя кампанию „самокритики“, режим хотел создать некую „пролетарскую“ или „советскую“ общественность, которая давала бы возможность критиковать „недочеты“, „безобразия“, „недоразумения“, тем самым направляя гнев подданных не на режим, но на „бюрократов“. Лозунг самокритики: „Невзирая на лица, критика сверху до низу и снизу доверху“ должен был создать иллюзию, что полезную „критику“ можно осуществлять, не обращая внимание на существующую иерархию.

Имелась в виду прежде всего критика обстановки на промышленных предприятиях и в провинциальных партийных организациях, но отнюдь не общего положения на „идеологическом фронте“ и в том числе на его „литературном участке“. Тем не менее, секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), Александр Фадеев, летом 1928г. говорил о необходимости применять „партийный лозунг самокритики“ и в области литературы. *(См. Письмо Фадеева В.П. Ставскому от 16 июля 1928 г. Фадеев, Собрание сочинений в семи томах. Москва 1971. Том 7, с.35-37) Ситуация в литературной общественности в то время характеризовалась постоянными конфликтами между РАППом и литераторами-попутчиками, так что попытки вернувшегося из-за границы Горького защитить попутчиков рапповцы встретили в штыки. Но Фадеев тогда понял, что грубые выступления самого видного секра-

таря РАППа, Леопольда Авербаха, могут создать впечатление, что РАПП якобы „против Горького“ вообще, и тем самым противопоставят РАПП воле Сталина. Поэтому, заключил Фадеев, РАПП должен был вовремя обратить внимание на собственные ошибки таким образом, призыв к самокритике оказался одновременно и удачным маневром в политической игре: „С нашей стороны надо было ... очень активно выступить против всяческих бюрократических ошибок и извращений аппарата, в первую очередь, против собственных, одним словом, умно и быстро применить лозунг партии о самокритике к области литературы. Этим мы дали бы недовольству писателей правильный выход, показали бы, что с подобными явлениями можно и нужно бороться на теперешней советской почве, а вовсе не путем всяческих „свобод“, о которых плачутся правые, а попутчикам кажется, что они о них пекуця! Но мы это прозевали... Недавно мы собрали фракцию, откровенно признались сами себе в ошибке... В ближайших номерах журнала *(Имеется в виду орган правления РАППа, журнал „На литературном посту“) дадим статьи, характеризующие наше действительное отношение к Горькому... А основным политическим вопросом в области литературы выдвинем лозунг самокритики против бюрократических извращений, против зашательства писателей и против мещанских влияний... и, конечно, в первую очередь, против всех этих явлений в наших собственных журналах и организациях.“ *(Там же, С.36) Смысль „самокритики“ можно здесь понимать только так, что руководство РАППа хотело показать свою готовность внимательно слушать критику извне и иногда даже исправлять собственную линию. Этим образом Фадеев как бы лишал попутчиков морального права требовать „свободы“. Как партия хотела привлекать „беспартийные массы“ к руководству заводом, так и Фадеев делал вид, что РАПП обращает внимание на мнение „не-пролетарских“ писателей. „Самокритика“ здесь понимается Фадеевым именно как общественно полезная критика авторитетов, а не как индивидуальное раскаяние. Однако самокритике в таком ее виде все же не удалось осу-

ществиться в РАППе. Если лозунг самокритики и появлялся потом в литературной печати, то уже в другом контексте и в другом смысле. Подчеркнем еще раз, что кампания „самокритики“ 1928 г. не была связана с возникновением покаянных заявлении в среде литературных организаций. Непосредственную причину его можно видеть в их формальной подобности партии. Писательские группы пользовались официальным статусом. Как и у партии, у них была своя программа, положение, секретариат, конференций, журналы, а у крупных литературных организаций свои филиалы в провинции. Поэтому не удивительно, что методы, которыми руководство РАППа решало внутриорганизационные конфликты, были схожи с методами центрального комитета партии: уже весной 1927 года руководство РАППа во главе с Л. Авербахом угрожало исключить представителей „внутрирапповской оппозиции“ из своих рядов, если они не ответят положительно на следующие вопросы: „Считают ли они ВАПП широкой формой пролетлитературного движения? Присоединяются ли они к нашей политике...? Отказывающа ли они от фракционной борьбы“? *(С. И. шешуков, Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов. Москва 1970. С.274)

Как ЦК партии в 1926 и в 1928 гг принуждал оппозицию публично признать „правильность генеральной линии“ и отказаться от фракционной борьбы, так и руководство РАППа хотело поставить на место внутрирапповскую оппозицию. И действительно, в следующие два года „левые“ стали вести себя более спокойно. Но было бы неверно предположить, что подобные методы литературного управления играли в интеллектуальной жизни ту же роль, что и в политике. Возможности руководства писательской организации оказывать давление на отдельных членов были ограниченными. Для гражданского статуса литератора исключение из такой организации было далеко не так опасно, как исключение большевика из партии. Поэтому, например, „левые“ рапповцы уже в 1930г вновь вернулись к оппозиционной деятельности и

иногда даже осмеливались переходить в атаку. Более глубокие причины феномена покаянных выступлений следует, наверное, искать в слишком однозначном противопоставлении „правильного“ и „ошибочного“ во всех дискуссиях марксистских интеллигентов, высшим критерием истинности считавших утверждения и постановления ЦК партии. Некоторые из них, конечно, сомневались в непогрешимости ЦК и даже говорили об этом но в общественной, открытой дискуссии утверждения ЦК и его генерального секретаря служили абсолютно неопровержимым аргументом. В дальнейшем для нас важна не абсурдность такой ситуации, но анализ тех последствий, которые из нее более или менее автоматически вытекали. Положение деятелей пролетарской культуры и науки оказывалось довольно неустойчивым из-за того, что „шагать в ногу“ с партией было совсем не просто: предугадать направление движения „генеральной линии“ и ни разу не ошибиться даже при большом желании было практически невозможно. Принципиальная ошибка „в системе“ заключалась в том, что нельзя было остановить время. Молодые руководители „пролетарской литературы“, которых меньше всех надо было убеждать в правильности партийных постановлений, уже в 1925г обратили внимание на эту проблему. Они не хотели ждать, пока партия наконец-то примет те решения, которые провести в жизнь они уже давно собирались. Авербах поэтому еще в 1926г объявил, что РАПП представляет собой „разведку“ или „авангард“ партии. Его коллега Юрий Либединский писал по этому поводу в 1930г.: „Роль такой партийной разведки мы взяли на себя (в 1926г. Л.Э.) что значит разведка? Это значит что если мы ставим те или иные вопросы, на которые партия еще не имеет определенных ответов, ... то потом, когда партия подоидет к разрешению их, наша работа или будет санкционирована, или, если мы сделаем ошибку, партия ее укажет нам и исправит. ... Эта формулировка была направлена против тех настроений ... которые заключаются в том, что нам предлагают ждать, пока партия не выскажется по тому или иному вопросу литературы, а потом уже ее решение

проводить в жизнь. *(Ю. Либединский, „За что борются на-
постовцы“ в сборнике „К творческим разногласиям в РАППе.
Ленинград, 1930. С.12)

Следовательно, „ошибки“ такого порядка были неизбежны. Еще не считалось преступлением, если кто-то допускал и „исправлял“ такие „ошибки“. Либединский тогда, наверное, не опасался, что партия может интерпретировать эти ошибки как нелояльность, „колебание“, „уклон“, или даже как „оппозиционную деятельность“, проистекающую из сомнения в непогрешимости партийного руководства. Высказывание Либединского еще из того времени, когда литературные группы боролись между собой, считая лишь собственные взгляды „верными“. Главное правило игры тогда еще состояло в том, чтобы доказать „полное совпадение“ собственной деятельности с линией партии“, и ошибочность других линий. Интенсивное изучение теорий других группировок с целью найти в них „мелкобуржуазные“, „идеалистические“, „троцкистские“ и т.д. ошибки полуофициально называли „проработкой“. *(По мнению Майкла Дейвид-Фокса, „Политический ритуал“ „проработки“ развился в начале 20-х годов в высших партийных учебных заведениях. Ср. Michael David-Fox, *Revolution of the Mind*, 1997, С.169-181. Но и рапповцы в этом разбирались.) „Прорабатывали“ друг друга в полемических статьях, требовали от противников покаяния, и все вместе ожидали очередного, более подробного решения партии, которое, как надеялись, могло бы укрепить их позицию. Боролись таким образом, на-пример, РАПП и „группа Беспалова“. Эта группа состояла из „младших специалистов“ Коммунистической Академии, Института красной профессуры (ИКП) и сотрудников литературно-критического журнала „Печать и революция“, главным редактором которого был Иван Беспалов. „Беспаловцы“ вступили в РАПП только в начале 1930 года. Стоит обратить внимание на то, как именно это произошло и какими аргументами Авербах заманивал кандидатов и одновременно угрожал с целью получить от них „заявление о собственных ошибках“. Дело

было в том, что беспаловцы считались учениками литературоведа Валерьяна Переверзева, теория которого в 1928 г пользовалась огромным авторитетом, но в 1930г уже оказалась полностью дискредитированной. Временный успех его теорий объясняется, наверное, надеждой некоторых современников на то, что эта теория сможет оказаться политически полезной. *(О теорию Переверзева см. Karl Eimermacher, Dokumente zur sowjetischen Literaturpolitik 1917-1932. Stuttgart 1972. S.398, Anmerkung 203; Е. Добренко, Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературы и культуры. Санкт-Петербург 1999. С. 104 и Шешуков, Неистовые ревнители, С.261) Однако уже в 1929г РАПП начал критиковать Переверзева в печати. 4 декабря „Правда“ в знаменитой статье „За консолидацию коммунистических сил пролетарской литературы“ не только осудила теорию Переверзева, но назвала РАПП „основной организацией пролетарской литературы“, вокруг которой все коммунистические силы должны были соединиться. *(Eimermacher, Dokumente, 1972, С.400) Начался процесс унификации всех конкурирующих групп и организаций, которые в конце 1931 г уже полностью контролировались РАППом. *(См. К. Ајмермахер, Политика и культура при Ленине и Сталине 1917-1932, Москва, 1998. С.123-127) Но уже 27 ноября 1929 г, т.е. за неделю до опубликования упомянутой статьи и в „Правде“, вся группа во главе с Беспаловым обратилась к фракцию ВКП(б) секретариата РАПП с коллективным прошением о вступлении. Интересно, что они не считали препятствием полемику, которую вели в это время с РАППом на страницах „Печати и революции“, и их заявление следовало тогда рассматривать как мирное предложение, но не как „капитуляцию“. Беспаловцы тогда еще верили, что имеют право задавать условия: „Само собой разумеется, что наше вступление в РАПП не ликвидирует само по себе тех расхождений по ряду важнейших вопросов литературной теории и художественного метода... При этом само собой разумеется, что и внутри РАППа мы будем продолжать последовательное отстаивание тех взглядов, которые диктуются нам тре-

бованиями марксистско-ленинской ортодоксии как в области политических вопросов, так и в области литературной теории и художественного метода.“ *(Против меньшевизма в литературоведении. О теориях профессора Переверзева и его школы. Сборник статей. Москва, 1931. С. 176)

Но правление РАПП не согласилось с такой позицией, напоминая, что журнал „Печать и революция“ еще совсем недавно вел против РАППа „кампанию безпринципной и клеветнической травли“. *(Против меньшевизма. С.177) Ведь РАПП являлся „организацией с определенными принципиальными основами, литературно-политической платформой и уставом“, *(Там же. С.178) которая должна точно знать и контролировать мнения своих членов. В заявлении Беспаловцев, напротив, не было сказано, почему, на основе каких взглядов возникла их группа и как они относились к политике РАППа предыдущих месяцев. Беспалов и Нусинов чувствовали неудобство этой ситуации и отвечали иронически, что их точка зрения общеизвестна из статей в „Печати и революции“. *(Там же. С.178) Они предлагали организовать вместо „дипломатической переписки“ „товарищескую беседу“ чтобы обсудить подробности вступления. *(Там же. С.180) Каждая из сторон старалась предписать другой стиль политической культуры. При этом было важно, могут ли видные представители пролетарской интеллигенции „просто так“ менять свое мнение, свою линию, свою организацию, или для этого требуется специальная процедура? РАПП старался придать моменту вступления бывших противников в свои ряды пафос официального, торжественного ритуала, дабы увековечить свою победу. Беспаловцы, напротив, пытались, лишить ситуацию особенного значения: напоминая, что их взгляды были давно всем известны, что критику и полемику лучше рассматривать как „товарищескую самокритику“, и вместо официального, „дипломатического“ языка хотели „говорить по душам“. Такой разговор имел место в декабре 1929г, уже после того, как „Правда“ демонстративно высказалась в пользу РАППа и осуди-

ла Переверзева. Леопольд Авербах обратился к кандидатам с разъяснениями условий их вступления в РАПП. Его аргументация часто возвращалась к идее „партийной разведки“ и к новому решению партии. Когда партийная линия еще не создалась, она, по мнению Авербаха, формировалась „в борьбе между различными писательскими группировками и в борьбе между коммунистами, руководящими этими различными литературными школами, группировками.“ *(Там же. С.184)

Саму борьбу Авербах считал легитимной. Но сейчас, после решения партий, положение изменилось, „РАПП признан основной литературной организацией, работа которой наиболее соответствует линии партии. Отсюда вытекает то обстоятельство, что неизбежно все противники РАППа вынуждены менять свою политику.“ *(Там же. С.184с.) Таким образом, Авербах подчеркивал, что полемика и разногласия теперь неуместны. Соответственно, Авербах делил поведение кандидатов на несколько типов: поведение одних, например, коллег из „Кузницы“, он называл „маневр“, поведение других „искренним переходом на другую позицию“, а в действиях некоторых видел лишь „вульгарное приспособленчество“. *(Там же. С.185) Лидер „партийной разведки“ был, по-видимому, убежден, что литературная группа может претендовать на авторитет в зависимости от того, насколько рано ей удалось нащупать то мнение, которое потом признавала верным и партия. Поэтому Авербах упрекал бывших учеников Переверзева: „Подумайте хладнокровно! Мы представляем собой организацию, которая до недавнего времени вопросами литературоведения не занималась... Вы представляете собой партийцев, посланных партией на учебу именно в этой области. Вы учите уже длительное количество времени и однако вы не выступали против Переверзева, вы не находили у него никаких ошибок. А теперь вы выступаете после того как мы выступили, и после того как „Правда“ нас поддержала, Вот как дело обстоит.“ *(Там же. С.188) Кроме того, он требовал от будущих членов, чтобы они активно при-

нимали участие в борьбе РАППа против конкурентов (например, против „Перевала“), а не оставались в стороне: „Вот это есть типичная позиция немецкого студента“, или „приват-доцента“. *(Там же. С.188) Авербах предлагал: „Разговор о приват-доцентах нужно будет убрать в сторону, когда товарищи осознают свои ошибки и начнут работать. Мы это сделаем со всей категоричностью, тем более, что т. Зонин уже признает ошибочность и недопустимость своего поведения. Вся линия поведения т. Беспалова в последнее время тоже говорит о том, что он признает ошибочным такое поведение. Больше того, мы не будем даже ждать проверки ваших заявлений практикой, мы обещаем с сегодняшнего дня прекратить такие обвинения, как только вы обещаете это исправить, ибо мы вовсе не заинтересованы в какой-то ни было травле, шелмовании и т.д. Совершенно наоборот!“ *(Там же. С.189)

Кандидаты должны были обещать „исправиться“, после чего они сразу могли располагать кредитом доверия. Однако признание ошибки „на словах“ было только временной заменой искреннего самоисправления „на деле“. Такую внутреннюю перестройку, о которой, например, „говорила линия поведения Беспалова“, начиная с 1930г все чаще и чаще называли „самокритикой“, хотя в речи Авербаха этот термин еще не употреблялся. Авербах объяснял необходимость „официального“ признания ошибок тем, что его организация должна была защищать себя, так сказать, „нотариально“ от возможного нелояльного поведения новых членов. Зато он обещал полную реабилитацию тому, кто „искренно“ старался себя „исправить“. Авербах представил беспаловцам некоторые тактические варианты возможного поведения Перверзева и объяснил им, почему им самим срочно необходимо паскаться. Очевидно, Авербах считал, что для всех присутствующих личная карьера важнее всех научных, художественных или литературно-политических убеждений.

„Теперь в дальнейшем возможны две линии поведения Перверзева. Первая: он признает ряд своих ошибок. В каком по-

ложении окажетесь вы тогда? В положении партийцев, прикрывавших человека, самого признавшего ряд своих ошибок в результате критики со стороны других партийцев, тех партийцев, которые не работали вместе с проф. Переверзевым, как работали вы с ним. Это невеселое положение. Вторая: Переверзев не признает своих ошибок не только по методологической, но и даже и по политической линии. Вам тогда придется отмежеваться от него, и вы будете тогда сами демонстрировать крах вашей линии поведения, сами ее резко критикуете.“ *(Там же. С.189)

Эта возможность была опасна потому, что Переверзев некогда был меньшевиком. Тогда и его учеников следовало подозревать в симпатии к меньшевизму. Ход мысли Авербаха очень показателен, так как его современники в подобных ситуациях, скорее всего, примерно так же рассуждали о собственном положении. Интересно, что зѣ не „жертва“ задумывалась над различными вариантами своих будущих действий, но „преступник“, который, как шахматист, старался реконструировать точку зрения противника, чтобы в любом случае уничтожить планы последнего. Наконец, Авербах диктовал каталог требований:

„Мы от вас требуем: скажите нам, вступая в РАПП, точно, считаете ли вы предисловие Переверзева к творчеству Достоевского откровенно меньшевистской статьей, что вы от нее отгораживаетесь и что вы согласны с тем, что пещцать меньшевизма лежит на всей методологической системе проф. Переверзева.“ *(Там же. С.191)

В этом предложении речь секретаря переходит из нейтрального стиля анкеты („скажите нам, считаете ли вы...“) в тон приказа („скажите, что вы согласны, что...“). Подобного заявления Авербах требовал от кандидатов и по поводу их отношения к „Кузнице“. При этом он отказывался от всякой содержательной аргументацией и мотивировал такое требование как корпоративными, групповыми интересами РАППа, так и интересами его руководства. „что мы здесь от вас тре-

буем по линии литературной политики? Мы очень рады, что вы к нам вступаете, но будьте добры заявить о вашем отношении к группе „Кузница“. Не обижайтесь на нас, что мы ставим такие вопросы, но для нашей организации это надо. Когда мы будем перед ней отчитываться, нас обязательно будут спрашивать о том, задавали ли мы вам такие вопросы.“ *(Там же. С.192)

Напоминаем, что Авербах не называл такие заявления, объяснения, признания ошибок ни „самокритикой“, ни „покаянием“. Совсем наоборот: принуждение к покаянию он считал „недостойным явлением“! „Мы... отнюдь не хотим вас ставить в положение людей, которые приходят к нам каяться и т.д. Это недостойно такой организации, как РАПП.“ *(Там же. С.191) Не исключено, что Авербах даже верил в то, что он говорил. Как генерал, который должен был воевать одновременно в нескольких битвах, он должен был прежде всего подчинить кандидатов своей линии, но не добивался их унижения или полного дискредитирования. Авербах мог надеяться выиграть для себя некоторых образованных и активных соратников, но одновременно опасался того, что они могли соединиться с „левой оппозицией“ внутри РАППа (вокруг Безыменского). Он не стеснялся их „профилактически“ предупредить и поэтому требовал от них и заявления об их отношении к „левым“. „Переговоры“ кончились тем, что беспаловцы делали то, что от них требовали, и вскоре Авербах мог сообщить читателям журнала „На литературном посту“:

„В ответ на поставленные фракцией секретариата РАППа вопросы т. Зонин от имени товарищей из ИКП заявил, что: Во-первых, они считают меньшевистской вступительную статью проф. Переверзева к его книге о Достоевском... Во-вторых, к организационным принципам и документам „Кузницы“ относятся отрицательно, рассматривая их как существенное препятствие на пути развития пролетарского литературного движения. ... В-третьих, по отношению к левым теориям они занимали и занимают отрицательную позицию...

Вступая в РАПП, товарищи не предлагают идти ни на какие блоки и фракционные шаги. И наконец, ошибки журнала „Печать и революция“ они видят в том, что на его страницах не было критики ошибок проф. Переверзева... Придя в результате дискуссии ... к изложенным выше формулировкам, фракция секретариата признала их в основном достаточным и удовлетворяющим условием для вступления в РАПП, выделила для индивидуального приема специальную комиссию, включив в нее представителей, подписавшихся под заявлением товарищей.“ *(Там же. С.180- 182).

В начале казалось, что тактика Авербаха была успешной. В феврале некоторые из новых членов выступали на пленуме МАПП с очередным „признанием своих ошибок“. *(См. На литературном посту, 1930, м4, с.1-5) Но дальнейший ход событий показал, что все это им не мешало делать именно то, что Авербах им запрещал. Уже на следующем пленуме МАПП в мае 1930г. Беспалов и другие его союзники соединились с „Кузницей“ и „левой оппозицией“ в „литфронте“, и все вместе критиковали художественную платформу РАППа и упрекали руководство в стремлении к гегемонии. *(Ср.: С. Шешуков, С.186, 290). Политика покаянных заявлений, которую ЦК партии проводил так успешно против оппозиции, в РАППе до конца 1930г не имела успеха. Процедуры „покаянных заявлений“, „торжественного отмежевания“ остались безрезультатными дазже в среде „неистовых ревнителей“, если желаемое действие не было подчеркнуто более конкретными рычагами дисциплинирования.

Зимой 1929/1930 началась мощнейшая волна „унификации“ в литературе, и многие писатели были вынуждены заявить о своем желании вступить в РАПП. На московской региональной конференции в феврале 1930г РАПП уже употреблял термин „самокритика“ и риторические клише, которые связывали „признание ошибок“ с „внутренней перестройкой“ часто в качестве скрытой угрозы в адрес новых членов. К

примеру, рапповец Ермилов так высказывался о необходимости принятия в РАПП двух конструктивистов:

„Т.т. Луговский и Багрицкий это наиболее левые и близкие нам конструктивисты. Своим вхождением в РАПП они снимают метафизический вопрос своей прежней программы, вопрос противоположения личности коллективу, они сами снимают постановку специфически интеллигентских проблем. Это снятие гарантия того, что они смогут заработать звание пролетарского писателя. Президиум предлагает принять их в РАПП, и, помогая им преодолеть свои ошибки, потребовать от них решительной самокритики.“ * (Литературная газета, 1930, м6, 10 февраля 1930 г. Курсив мой.) Имелось в виду, кажется, не очередное заявление, а внутренняя готовность „преодолеть“ ошибки в самом себе. Для этой длительной и мучительной „решительной самокритики“ была необходима „помощь“ товарищей. До того, как „новобранцы“ докажут „на деле“, что они перестроились, их нельзя было рассматривать как „пролетарских“ писателей. Подчеркивалось, что: „...вступление этих товарищей в РАПП отнюдь не означает, что они стали пролетарскими писателями. Им еще предстоит сложная и трудная работа над собой для того чтобы стать пролетарскими писателями, и напостовское, большевистское ядро пролетарской литературы должно оказывать всяческую помощь им в этом отношении.“ * (На литературном посту, 1930, м4, с.4) Дружественное приглашение „помогать товарищам“ скоро стало составной частью такой самодовольной риторики. Моральный пафос ее контрастирует с лукавством, с которым Авербах уговорил учеников Переверзева покаяться: „отмежевайтесь от него, перед тем, что он откажется от вас“. Термин „самокритика“ в новом значении (в смысле внутренней перестройки индивидуального человека) с тех пор встречался все чаще и чаще, а в январе 1932 года он обнаруживается уже в речах членов политбюро партии.

Но необходимо заметить, что отнюдь не само собой подразумевалось, что обвиняемые „товарищи“ свои „ошибки“ призна-

вали. Обычно они сопротивлялись всеми силами особенно тогда, когда высшие партийные инстанции не поддерживали обвинителей открыто. В течение 1930г имели место „дискуссии“ в Коммунистической Академии, где поочереды прорабатывались концепция Переверзева, группа литературоведов „Перевал“, а также философская теория Абрама Деборина. Все „дискуссии“ кончились осуждением, „разоблачением“ этих научных „школ“, но тем не менее никто из ведущих „разоблаченных“ не капитулировал. Переверзев в своем заключительном слове упрекал критиков в том, что они неправильно цитировали и не понимали суть его теории. *(Ср.: Против механистического литературоведения. Дискуссия о концепции В.Ф. Переверзева. Москва 1930. С.44-63 и 111-129). Представители „Перевала“ в принципе не хотели подчиняться давлению. Они открыто заявили: „Мы не раскаиваемся в том, что мы делали, и нам нечего брать назад...“. *(Ср.: Г.А. Белая, Дон-Кихоты 20-х годов. „Перевал“ и судьба его идей. Москва 1989. С.339) Философ Деборин также отказался „признаться“ в формализме, потому что его критики, по его словам, „называют формализмом любой теоретический анализ“. *(Вестник Коммунистической Академии, 1930, м40/41. С.37) В таких дискуссиях приобрел особенную важность вопрос о характере ошибок. Те „товарищи“, которые должны были защищаться от критики, часто соглашались, „что у них были, конечно, отдельные ошибки“, но их „линия“, тем не менее, „в общем правильна“. Современники, в том числе и старые партийцы, переживали такие ситуации в особом напряжении, в конфликте с собственной совестью: с одной стороны, требовалось безусловное подчинение партийным решениям, но, с другой стороны, отречение от самого себя все-таки продолжало считаться нечестным поведением, если не предательством. Это напряжение чувствуется везде. Обвинители, напротив, стремились доказать, что отдельные ошибки свидетельствуют об ошибочности всей линии. Для „окончательного разоблащения и разгрома вредной теории“ необходимо было придать ей политическую оценку. Поэтому Авербах настаивал, например, на том, что те-

ория Переверзева носила „меньшевистский характер“. Концепцию Деборина прямо называли „меньшевиствующим идеализмом“. Так что интеллектуалы, которые подвергались „развернутой критике“ и у которых находили „серьезные ошибки политического значения“, должны были опасаться, что на них будут смотреть как на оппозиционеров. Не удивительно, что в этой обстановке знаменитое письмо Сталина в редакцию журнала „Пролетарская Революция“, в котором он обвинил некоторых партийных историков в „гнилом либерализме“ и „троцкистском контрабанлизме“, привело к бесчисленным партсобраниям чуть ли не во всех учреждениях общественных и гуманитарных наук, где „прорабатывались“ „ошибки“ ведущих ученых страны. Но стоит обратить внимание и на косвенные, менее очевидные последствия письма Сталина: в нем было впервые „официально“ утверждено, что не только враг, не только мелкобуржуазный или троцкистский элемент, но и такой старый, стойкий, выдержанный и архилояльный большевик, как, например, Емельян Ярославский, мог допускать ошибки: „некоторые наши историки я говорю об историках без кавычек, о большевистских историках нашей партии, не свободны от ошибок... исключения составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера.“ *(Пролетарская революция, 1931, м6(113), С.12)

Давая эту оценку, Сталин, таким образом, выделил в среде партийцев особую категорию тех, кто, как и оппозиционеры, сильно ошибались, но все-таки оппозиционерами не являлись. В январе 1932 Лазарь Кагонович пояснил московским большевикам, почему „проработка“ не обязательно должна приводить к исключению ошибившегося из партии: „Если люди допустили ошибку, а если эта ошибка, допущенная товарищем книжка, или выступление не является ошибкой, связанной с борьбой за генеральную линию партии, а если эта ошибка, допущенная товарищем, является ошибкой

эпизодической, случайной, как это щцасто бывает со многими большевиками: не так сказал, не так сформулировал задача наша состоит в том, чтоб этих людей исправить... поправить не окриком, а разъяснением, заставить его своим сознанием, апеллируя к его сознанию, заставить эту ошибку признать, а не прибегать к самому легкому способу исключить из партии.“
*(РГАСПИ, ф.83, оп.3, д.144, л.197).

Оказалось, что даже старые, опытные большевики „часто“ допускали ошибки, что „ошибки случайные“ не являются „смертным грехом“ и что их не следует сразу же связывать со злостными злостными вредительскими намерениями. Именно в таком положении, когда угрожали „окончательным разоблачением“ и в то же время напоминали, щцто партия намерена простить тех, кто признает ошибки, многие интеллектуалы, как и партийцы вообще, стремились к тому, чтобы как можно убедительнее инсценировать свое „раскаяние“. Образцовый пример такого „чистосердечного“ признания ошибок, связанного с преодолением их „корней“ дал молодой поет Малахов в 1932 г.: „Эти мой теоретические ошибки, ошибки явно право-оппортунистеского порядка, смыкаются с такими же ошибками в области непосредственно политической, дорущенными мною в предисловии к сборнику „Писателей о труде“. Все это обнаруживает в моих прежних работах влияние, без преодоления которого немислима последовательная борьба за линию партий в литературе.“ *(С. Малахов, Против троцкизма и меньшевизма в литературоведении. Ленинград 1932. С.56)

В ходе покаянных кампаний 1929-1932гг. было вскрыто громадное количество „ошибок“, пятнавших биографии деятелей партии и советской культуры. Возникла своеобразная „бухгалтерия“, фиксировавшая это „тяжолое наследство“. В характеристиках и партийных кадровых делах обязательно собирались данные о всех когда-либо имевшихся заблуждениях и нарушениях, допуссенных тем или иным субъектом, и, соответственно, о том, последовало ли затем его „чистосердеч-

ное признание“ в содеянном. В характеристиках Воронежского университета 1933г, в деле аспиранта Алпатова, было, например, зафиксировано:

„В бытность научным работником по педагогике при ВГУ им допущен ряд политических ошибок, которые в основном сводятся, во-первых, к защите метода проектов и, во-вторых, поддерживают точку зрения проф. шульгина о подчинении учебной работы общественной работе учеников. Эти две точки зрения приводили к теории „отмирания школы“, т.е. левый уклон в педагогике. Свои ошибки т. Алпатов признал и неоднократно выступал с критикой их. В настоящее время активно борется за генеральную линию.“ *(Центр документаций новейшей истории воронежской области (ЦДНИ ВО), ф.412, оп.1, д.66, л.21)

В характеристике другого сотрудника ВГУ, профессора Дернова, как положительные отмечены следующие качества: „... окончил Петербургский университет в 1914 г. В своей работе показал себя выдержанным и стойким товарищем, умеющим проводить в жизнь генеральную линию партии и бороться со всеми уклонами от нее. На собраниях партийных и собраниях общественных неоднократно выступал с разоблачением отходов и уклонов отдельных товарищей... разоблачая классово-чуждой элемент (выступления на партсобраниях по разоблачению оппозиционеров в стенах ВГУ)... В борьбе за генеральную линию партии обладает способностью вести за собой безпартийную массу политически ее возглавляя. Вполне умеет разбираться в оппортунистической работе за генеральную линию партий, вскрывать недочеты и поднимать их на политическую высоту, давая решительный отпор.“ *(Там же, л. 57)

Такое поведение считалось заслугой, которую следовало документировать так же точно, как и „ошибки“, хотя в большинстве характеристик доцентов ВГУ нет таких подробных данных. Однако каждая характеристика обязательно должна была содержать информацию о том, поддерживает ли

партиец генеральную линию. Заключение Развитие феномена покаянных заявлений в социальном пространстве в период с 15 съезда партии (декабрь 1927 г.) до речи Кагановича в январе 1932 года представляет собой довольно интересный объект для исследования. Необходимость в таких заявлениях возникла в борьбе с оппозиционерами, открыто голосовавшими на партсобраниях против партийного руководства, а потом наблюдалась в бесконечных дискуссиях партийных интеллектуалов, так что в конце концов даже Ярославскому, видному секретарю ЦКК, пришлось „чистосердечно“ признать свои ошибки. В это время покаянные заявления требовались уже только от весьма лояльных, преданных Сталину и родной партии „товарищей“; к оппозиционерам же применяли более жесткие методы. Таким образом, покаянные заявления, употреблявшиеся сначала как один из инструментов в баталиях с оппозицией, постепенно стали использоваться и в „сплоченных рядах“ идеологически устойчивого ядра партии, самого ее центра. При этом оказалось, что их функция практически полностью совпала с лозунгом самокритики. Если сначала под самокритикой подразумевалась „товарищеская критика“ совместного дела, то потом уже стали говорить и о „внутренней самокритике“ как о синониме „работы над собой“. Понятие „покаянное заявление“ также постепенно поменяло свое значение. Под „заявлением“, этим термином русского канцелярского языка, в начале подразумевалось чисто внешнее признание какого-либо обязательства. Партиец, поделавший такое „заявление“, таким образом „официально“ или „нотариально“ обязывался защищать определенную точку зрения и вести себя соответствующим образом. Содержание этих заявлений формулировалось часто положительно (признавалась правильность партийной линии) и относилось к будущему: например, какой-нибудь литератор обещал, начиная с данного момента, поддерживать „линию РАППа“ и т.п.. Но часто заявление включало в себя косвенное отрицание собственного прошлого. Речь Авербаха к беспаловцам является примером того, как можно было, требуя подписания такого заявления,

тем самым требовать и открытого „признания своей ошибки“, и необходимости „работы над собой“. Театр действий передвинулся, таким образом, от внешней, литературной и партийной деятельности, во внутреннее пространство личности. Имея в виду слишком „прагматический“ характер аргументов Авербаха и его осуждение „покаяния“ как „недостойного“ явления, можно, конечно, сомневаться, насколько серьезно современники воспринимали моральный пафос такой „честной, искренней, внутренней перестройки“. РАПП был достаточно силен, чтобы в 1930-32 гг. принудить многих писателей и литераторов „покаяться“ в той или иной форме, но ему все-таки не удалось полностью контролировать „пролетарскую“ литературу. Выяснилось, что политическое руководство страны должно было само явиться на сцене, чтобы окончательно ликвидировать спорные моменты на „идеологическом фронте“. Своим личным вмешательством в идеологическую борьбу против Деборина, против историков партии и наконец даже против РАППа, Сталин разрешил много конфликтов, в том числе и путанную игру совместных действий „разведки“ и „партии“. В дальнейшем аппарат ЦК сам решал, какие ошибки можно „простить“, а в каких могли скрываться враждебные намерения. В такой ситуации многие подвергшиеся сомнению в верности партии увидели шанс сделать заявление о „признании своих ошибок“. Таким образом они надеялись защититься от продолжения травли и реабилитировать себя перед режимом. Но и режим выигрывал от их решения: он получал возможность эффективнее использовать рабочую силу способных, но идеологически небезупречных интеллектуалов. В 1932 г. еще нельзя было предвидеть, что собранный материал об огромном количестве „признанных“ и документально „зафиксированных“ ошибок несколько лет спустя будет широко использоваться органами НКВД для фабрикаций всяческих „дел“.